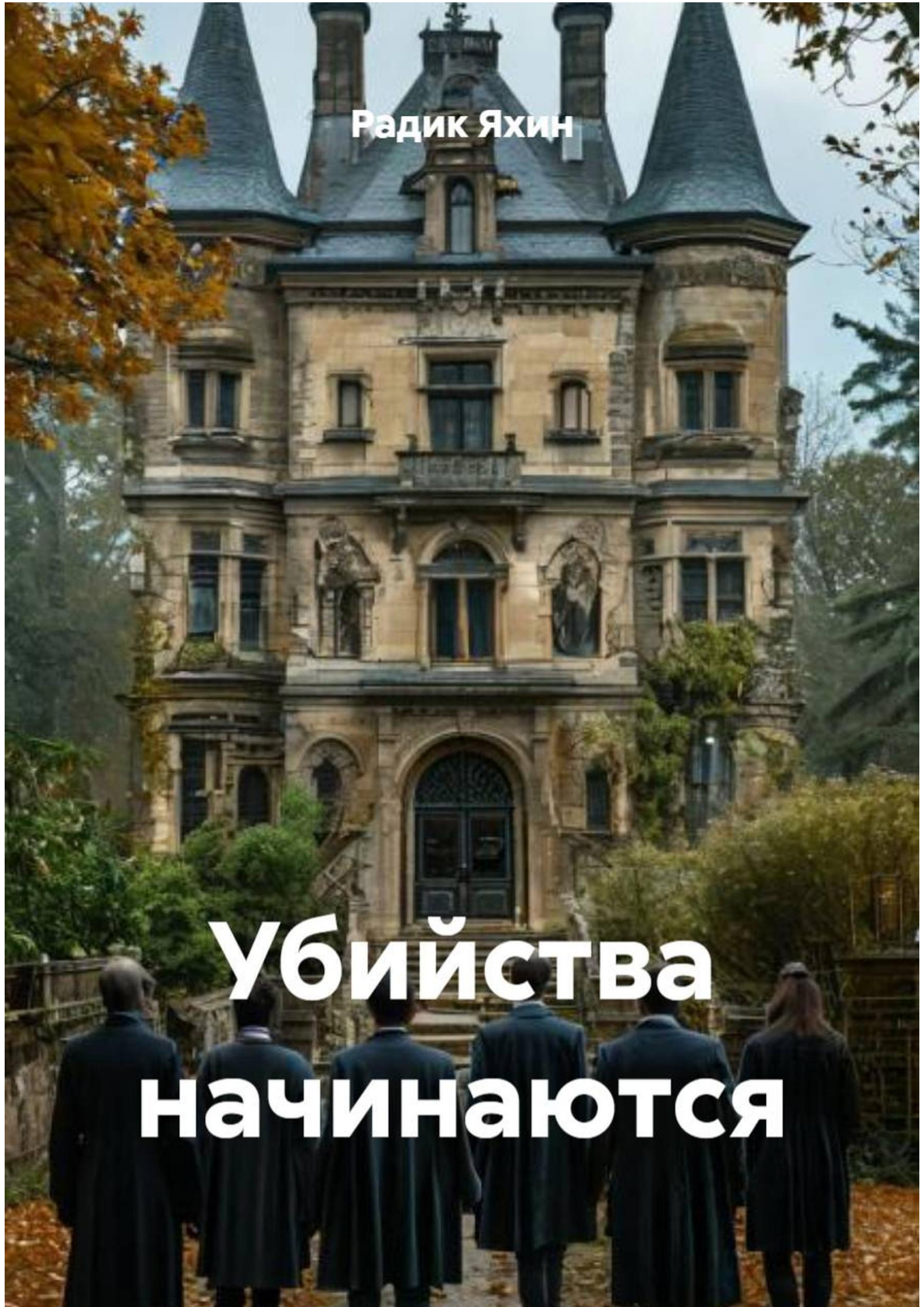

Радик Яхин

Убийства начинаются

Радик Яхин

Убийства начинаются

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Убийства начинаются / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

Десять незнакомцев получают чёрные конверты с приглашением в замок «Эрденхаль» от таинственного «Л. У.». Оказавшись в старинном замке, они сталкиваются с пугающими знаками: портретами каждого с датами, считалкой о грядущих смертях и записками «Вы все — убийцы». Гости понимают: они — потомки тех, кто когда-то погубил семью архитектора Лоренца Ульриха. Замок словно оживает, карает за грехи прошлого — и с каждой новой смертью считалка обновляется. Есть ли шанс разорвать цикл возмездия? И может ли прощение оказаться сильнее мести? Психологический триллер с мистической атмосферой о вине, искуплении и выборе, меняющем судьбу.

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Убийства начинаются

Октябрь в этом году выдался сырым и злым. Дождь барабанил по подоконнику квартиры на Фонтанке уже третьи сутки, и Матвей Корсаков, судья городского суда в отставке, сидел в кожаном кресле с книгой, которую не читал. Ему было шестьдесят три, спина болела к непогоде, и последние полгода он просыпался с мыслью, что жизнь прошла впустую. В половине девятого вечера консьержка позвонила в домофон и сказала, что для него принесли конверт. «Курьер?» – «Нет, просто положили на тумбу. Я не видела кто». Конверт был чёрным. Тяжёлая бумага с тиснением, на обороте – вензель в виде переплетённых букв «Л» и «У». Восковая печать изображала горный замок, разорванный трещиной. Внутри лежал сложенный вдвое лист. «Вы приглашены в замок Эрденхаль. Время прибытия – закат 12 октября. Мост будет опущен для вас одного». Без подписи. Без обратного адреса. Матвей хотел выбросить конверт в мусорное ведро, но рука замерла. Вчера ему приснился сон: он стоял на мосту, а под ним текла не вода, а чёрная смола. Сон повторился трижды за месяц. Он сунул приглашение в ящик стола и закрыл на ключ.

В то же самое время, на окраине Выборга, медсестра Алевтина Соболева разбирала пакеты с продуктами. Ей было сорок два, она работала в хосписе и за двадцать лет привыкла к смерти настолько, что перестала её бояться. Конверт она нашла утром, придавленный камнем на крыльце. Камень был странный – обсидиановый осколок, отполированный до зеркального блеска. Алевтина поднесла его к свету и увидела в отражении не своё лицо, а лицо старухи, которой она когда-то помогла уйти. Не убила – просто отключила аппарат, потому что та кричала от боли трое суток, а морфий кончился. Старуха смотрела спокойно. Алевтина сунула камень в карман, приглашение – в сумку. Ей нечего было терять.

Мост был подвесным. Писатель Егор Шатров остановился в трёх метрах от края пропасти, чувствуя, как под рюкзаком взмокла спина. Он приехал первым – специально, чтобы оценить место действия до появления остальных. Дорога заняла восемь часов: электричка до станции «Горная», заброшенная грунтовка, петляющая меж сосен, а потом этот мост. Деревянные доски гнили, тросы поросли мхом, но подъёмный механизм – стальная лебёдка с цепями толщиной в руку – выглядел так, будто его смазывали вчера. Егор достал блокнот, записал: «Чувство падения до падения. Замок не виден, только контуры в тумане». Он не верил в мистику, но в эту секунду ему показалось, что туман дышит. Медленно, ровно, как грудь спящего великана.

Доктор Роберт Штольман припарковал «ауди» на обочине в ста метрах от моста и выключил двигатель. Он не хотел привлекать внимание. В зеркале заднего вида отражалась женщина в сером пальто – учительница младших классов Анна Белозёрова. Она стояла у края обрыва и смотрела вниз. Роберт узнал её мгновенно: два года назад он давал свидетельские показания по делу о смерти её мужа. Сердечный приступ в очереди в поликлинику. Он мог бы принять его вне очереди, но не сделал этого, потому что спешил на обед. Анна не знала – или делала вид. Роберт вышел из машины, кашлянул. Она обернулась. «Доктор Штольман». – «Анна Павловна». – «Вы тоже получили приглашение?» – «Да». Она кивнула и ничего не сказала о муже. Туман сгустился.

К ужину в замке собралось девять человек. Десятого – писателя Егора Шатрова – никто не видел с момента его прибытия. Дворецкий, сутулый мужчина лет пятидесяти с неестественно бледной кожей, молча расставил тарелки. На каждом приборе лежала карточка, вырезанная в форме черепа. «Ты знаешь, за что умрёшь». Актриса Инга Войцеховская нервно рассмеялась. Бизнесмен Тимур Бахметьев отодвинул тарелку. Священник отец Николай перекрестился. Военный, полковник в отставке Григорий Лутов, ударил кулаком по столу: «Этой-то дурацкий розыгрыш!» Но в его голосе не было уверенности. Матвей Корсаков, судья,

медленно обвёл взглядом портреты в зале. Десять портретов. Десять лиц. Его собственное – в тяжёлой раме над камином – смотрело на него с лёгкой, почти снисходительной усмешкой. Под портретом значилось: «Матвей Корсаков. 12 октября. Судья». И дата. Сегодняшняя.

Замок строили веками. Первый камень заложили в 1647 году шведские инженеры, потом достраивали немцы, перестраивали русские, а в конце XIX века его купил некий архитектор Лоренц Ульрих и превратил крепость в фантасмагорию стилей. Готические башни соседствовали с венецианскими окнами, витражи Ренессанса – с чугунными решётками в духе заводского конструктивизма. Но гостям, собравшимся в главном зале, было не до архитектуры. Алевтина Соболева коснулась стены: камень был холодным, но под пальцами чувствовалась мелкая вибрация, будто где-то глубоко в недрах работала машина. «Там генератор», – сказал дворецкий, появившись из тени. Он двигался бесшумно. «Замок обеспечивает себя электричеством сам». – «Кто вы?» – спросила Анна Белозёрова. «Моё имя Степан. Я здесь, чтобы служить». Он не ответил, кому именно служит.

Портреты висели в шахматном порядке. Старинная масляная живопись, но изображённые на них люди носили современную одежду. Инга Войцеховская узнала себя: на портрете она была в том же самом алом платье, что и сейчас. Даже брошь – фамильная камешка – совпадала до мельчайшей царапины. «Этого не может быть, – прошептала она. – Я купила платье три недели назад». Тимур Бахметьев подошёл к своему портрету вплотную, пытаясь разглядеть подпись. Вместо имени художника – инициалы «Л. У.» и римская цифра VII. «Семь, – сказал он. – Что это значит?» – «Порядковый номер, – отозвался полковник Лутов. – Вас пригласили седьмым. Меня – вторым». Он указал на свой портрет. «Григорий Лутов. 12 октября. Военный». Судья Корсаков молчал. Его портрет висел в центре – над камином, как запрестольный образ.

Считалку выбили в камне грубым, неровным шрифтом, похожим на детские каракули. «Десять маленьких гостей пришли на званый ужин, одному не сбежать – он более не нужен. Девять маленьких гостей уснули в тишине, восьмерым проснуться, одному – на дне. Восемь маленьких гостей ищут по углам, одному не отыскать – он отдал долг стенам». Далее текст обрывался. Ниже, почти у самого пола, кто-то дописал дрожащей рукой: «Семеро... Шестеро...» Цифры расплылись от влаги или слёз. Отец Николай перекрестился трижды. «Это бесовщина». – «Это детская считалка, – резко оборвал его судья. – Не нагнетайте». Но рука его дрожала, когда он поправлял очки.

Сигнал пропал ровно в тот момент, когда Тимур Бахметьев поднял телефон к потолку. Смартфон показывал «поиск сети» ещё полчаса, пока гости осматривали первый этаж, но к девяти вечера экран погас окончательно. Стационарные аппараты в библиотеке и кабинете издавали только ровный, пульсирующий гудок – не занято, не обрыв, а что-то среднее. Роберт Штольман, доктор, нажал на рычаг двадцать три раза – безрезультатно. «Рация у меня в машине, – сказал полковник Лутов. – Я схожу». Он вернулся через пятнадцать минут, мокрый от измороси, и молча положил на стол раздавленную рацию. Корпус был смят, будто по нему ударили кувалдой. «Это сделал не человек, – сказал Лутов. – Слишком ровно. Слишком сильно». Анна Белозёрова вдруг вспомнила, как в детстве сжимала пластиковую бутылку ногой, чтобы воздух вышел со свистом. Рация выглядела точно так же.

Карточки с надписью «Ты знаешь, за что умрёшь» лежали на салфетках из чёрного шёлка. Дворецкий Степан разливал вино – тёмное, густое, пахнущее вишнёвой косточкой. Инга Войцеховская сделала глоток и закашлялась: вино отдавало металлом. «Я не буду это пить», – капризно сказала она, но никто не ответил. Алевтина Соболева смотрела на свою карточку и вспоминала старуху с обсидиановым блеском в глазах. «За что я умру?» – спросила она тихо. Никто не ответил. Тогда судья Корсаков взял бокал, поднял его к свету и сказал: «Нам нужно держаться вместе. Кто бы ни был этот Л. У., он хочет нас перессорить». – «Или убить», – отозвался из тени Степан. Это было первое и последнее слово, которое он произнёс в тот вечер.

Ночь прошла без сна. Алевтина Соболева сидела на подоконнике в своей комнате, глядя, как туман заливают внутренний двор замка. Внизу, в колодце, что-то плескалось – не вода, а более тяжёлая, вязкая жидкость. В час ночи она услышала шаги за дверью. Шаркающие, медленные. Она сжала в кулаке обсидиановый камень и замерла. Шаги стихли у соседней комнаты – там поселилась Анна Белозёрова. Минута, две, три. Потом щелчок замка, скрип петель, и снова тишина. Алевтина не спала до рассвета.

Утром судья Корсаков взял управление в свои руки. Он привык командовать, привык, что его слушаются, и то, что девять человек, запертых в замке, смотрели на него с надеждой, вернуло ему утраченное за годы отставки чувство власти. «Мы составим план помещений, – сказал он, разложив на столе лист бумаги. – Отметим все входы, выходы, окна, подвалы. Никто не передвигается по замку в одиночку. Минимум по двое. Еду проверяем. Воду кипятим». Полковник Лутов согласно кивнул. Тимур Бахметьев закатил глаза, но промолчал. Священник отец Николай держался у окна, словно ждал чуда. Доктор Штольман рисовал на салфетке вензель «Л. У.» и не смотрел на Анну Белозёрову.

Письма нашли под подушками. Каждое – в чёрном конверте, с восковой печатью, на которой замок был уже не целым, а разбитым надвое трещиной. «Вы все – убийцы, – говорилось в тексте. – Я – ваш судья. Вы не уйдёте, пока правда не станет явью». Почти никто не удивился. За прошедшие сутки каждый из них уже успел прокрутить в голове список собственных грехов, оправдаться и снова обвинить себя. Алевтина Соболева первой нарушила молчание. «Я отключила аппарат жизнеобеспечения, – сказала она ровным, будничным тоном. – Женщина, семьдесят три года, рак поджелудочной. Метастазы во все органы. Она просила меня три дня». – «И ты убила её», – прошептала Анна Белозёрова. – «Я освободила её». В зале повисла тишина, густая, как смола.

Инга Войцеховская не пришла к завтраку. Сначала никто не придал этому значения – актриса была капризной, могла дуться, опаздывать, требовать особого отношения. Но когда полковник Лутов постучал в дверь её комнаты и не получил ответа, он выбил дверь плечом. Инга висела на шторе. Шнур врезался в шею так глубоко, что почти скрылся под кожей. На зеркале мёдом – откуда в замке мёд? – было выведено: «Осталось девять». Алевтина Соболева, повидавшая сотни смертей, заметила странность: под ногтями Инги не было следов борьбы. Она не хваталась за шнур. Она не пыталась спастись. Словно смерть пришла к ней тихо, и она открыла дверь.

Тимур Бахметьев стоял в углу, сжимая переносицу пальцами. «У неё были проблемы с мужем, – сказал он. – Я слышал, она проиграла суд по опеке. Могла покончить с собой». – «А мёд на зеркале?» – резко спросил судья. Тимур побледнел. Он был аллергиком, и об этом знали все, кто хоть раз ужинал с ним в ресторане. Мёд вызывал у него отёк Квинке. «Это не я, – выдохнул он. – Клянусь. Зачем мне её убивать?» – «Она угрожала рассказать налоговой о твоих схемах, – отозвался полковник Лутов. – Ты сам говорил об этом вчера за ужином». – «Я говорил! Но это не значит, что я...» Тимур осекся. Все смотрели на него. И в этом взгляде не было сочувствия.

Библиотека замка занимала три этажа. Книжные стеллажи уходили в темноту, лестницы вились виноградной лозой, и на каждой площадке стояли мраморные бюсты людей, которых никто из гостей не узнавал. Роберт Штольман взял с полки первый попавшийся том. Переплёт из телячьей кожи, застёжки сломаны, корешок рассыпается трухой. Он открыл наугад и прочёл: «Дело № 7. Тимур Бахметьев. 12 октября». Дальше шли даты, цифры, схемы. Он захлопнул книгу, но через секунду открыл снова. Это была не художественная литература. Это был архив.

Дневник нашла Анна Белозёрова. Он лежал на столике у камина, раскрытый на странице, где аккуратным каллиграфическим почерком было выведено: «Первым умрёт писатель. Он

всегда умирает первым – потому что выдумывает чужие смерти, но боится своей». Анна читала вслух, и голос её срывался. «Вторым – та, что играет чужие жизни. Её смерть будет красивой, как в театре, и никто не заметит, что это не сцена. Третьим – тот, кто лечит, но не исцеляет. Его вскроют, как труп. Четвёртой – та, что облегчает страдания. Она упадёт с высоты, и земля примет её, как принимала всех». Алевтина Соболева слушала и молча гладила обсидиановый камень в кармане. Ей оставалось две страницы.

Отец Николай узнал свою историю на странице сорок второй. «Он не молился у постели умирающего, – гласил текст. – Он спешил на ужин и думал, что завтра успеет. Но завтра больной впал в кому и умер через три часа, не получив отпущения. Его душа ушла в темноту, а священник даже не запомнил имени». Отец Николай закрыл лицо руками. Ему было шестьдесят восемь, он служил в храме тридцать лет и за это время сотни раз отпевал, исповедовал, причащал. Но того человека – шахтёра из области, с чёрными от угольной пыли ладонями – он помнил. И не помнил. И помнил. «Господи, прости», – прошептал он. Залы молчали.

Тайная комната открылась случайно. Матвей Корсаков искал в библиотеке план замка, дёрнул корешок фолианта, который показался ему слишком новым, и книжный шкаф бесшумно отъехал в сторону. За ним был проход. Узкий, низкий, уходящий в темноту. Судья зажёл фонарик на телефоне – экран ещё светился, хотя сети не было – и шагнул внутрь. Через десять шагов коридор расширился, превратившись в круглую комнату без окон. На столе стояла пишущая машинка, в каретку была заправлена чистая бумага. Рядом – стопка фотографий. Десять лиц. Десять имён. И дата смерти каждого.

«Вы не убивали руками, – прочёл судья, перебирая бумаги. – Но ваши действия привели к смерти». Он отложил фотографию Инги. Под ней лежал лист с перечнем «преступлений» каждого из гостей. Против имени Алевтины Соболевой значилось: «Эвтаназия. Жертва: Софья Львовна Гринберг, 73 года. Дата смерти: 12 октября 2019». Против отца Николая: «Халатность. Жертва: Пётр Ильич Ребров, 54 года. Дата смерти: 12 октября 2018». Против него самого, судьи Матвея Корсакова: «Неправосудный приговор. Жертва: Андрей Викторович Сомов, 28 лет. Дата смерти: 12 октября 2007». Сегодня тоже было 12 октября. Судья опустил на стул и не смог встать.

Ночью в гостиной заговорил проигрыватель. Старая граммофонная труба, покоившаяся в углу с тридцатых годов прошлого века, вдруг издала шипение, и из неё полился детский голос. Девочка лет десяти читала считалку, ту самую, что была выбита на камне. «Десять маленьких гостей пришли на званый ужин...» Анна Белозёрова выбежала в коридор и увидела отца Николая, стоящего на коленях перед дверью гостиной. «Не входите туда, – прошептал он. – Это не люди». – «Кто?» – «Души. Те, кого мы убили». Голос девочки продолжал считать, и на слове «семеро» игла соскочила с пластинки, прочертив визгливую борозду до самого центра.

Доктор Штольман сидел в своей комнате и смотрел на руки. Тридцать лет хирургической практики, три тысячи операций, триста смертей на столе. Он помнил каждого. Лица, имена, диагнозы. Но один пациент – мужчина сорока двух лет, аппендицит, осложнённый перитонитом – снился ему каждую ночь. Роберт прописал ему дозу обезболивающего, которая оказалась в два раза выше допустимой. В инструкции была опечатка, он знал об этом, но не проверил. Пациент умер от остановки дыхания. Вдова не подавала в суд. Коллеги молчали. Но сегодня в дверь его комнаты постучали, и на пороге стояла не Анна Белозёрова и не полковник Лутов. Это был мальчик. Лет двенадцати, в больничной пижаме, с капельницей, всё ещё торчащей из вены. «Доктор, – сказал он. – У меня болит живот». Роберт закричал.

Ключ от оружейной пропал в промежутке между ужином и полуночью. Тимур Бахметьев, последний раз видевший его в руках дворецкого, клялся, что Степан положил ключ в карман жилета и больше не доставал. Но когда полковник Лутов потребовал открыть оружейную – на случай, если убийца решит использовать пистолеты или ножи – Степан развёл руками: «Ключа

нет». Обыскали замок. Ключ не нашли. Тогда Анна Белозёрова заметила, что Степан стоит не там, где стоял минуту назад. Он переместился на три метра влево, бесшумно, почти призрачно. «Вы взяли ключ», – сказала она. Это не было вопросом. Степан посмотрел на неё долгим, пустым взглядом и ничего не ответил.

Анна Белозёрова сидела на корточках в углу библиотеки и смотрела на книгу, которую никто не открывал сто лет. «Педагогическая психология», 1978 год издания. На форзаце – дарственная надпись: «Анечке от мамы. Помни: каждый ребёнок – это мир». Она держала эту книгу в руках впервые за двадцать пять лет. Мама умерла, когда Анне было двадцать. И тогда же она выгнала из класса мальчика, который пришёл в школу с синяком под глазом. Она думала, он подрался. Она сказала: «Иди домой и не возвращайся, пока не научишься себя вести». Он не вернулся. Через неделю его нашли в петле на чердаке собственного дома. Записка: «Я никому не нужен». Анна закрыла книгу и увидела, что на обложке, прямо под названием, кто-то выцарапал гвоздём: «Осталось восемь». Цифра была свежей.

Дверь библиотеки скрипнула. Анна подняла голову. В проёме стоял полковник Лутов, бледный, сжимающий в руке обрывок бумаги. «Она была в кармане Инги, – сказал он. – Я нашёл, когда осматривал тело». На бумаге детским почерком было выведено: «Прости меня, мама». Анна взяла записку, перевернула и увидела на обороте то, от чего у неё остановилось сердце. Там был номер телефона. Её номер. И текст: «Анна Павловна, это Коля. Помните меня? Я стал актёром. Спасибо, что выгнали меня тогда. Я бы не выжил». Дата отправки – позавчера. Инга Войцеховская была матерью Коли. Анна выгнала его. Инга носила это в себе пятнадцать лет. Анна уронила записку, и она упала в лужу растаявшего снега, натекшего с сапог полковника. Бумага потемнела, буквы расплылись. «Осталось восемь» – успела прочесть Анна. Или ей показалось.

Полковник Лутов умер на рассвете. Его тело нашли на вершине северной башни – туда вела винтовая лестница из чугуна, ступени которой не скрипнули ни разу, хотя все слышали шаги. Он лежал ничком, руки вытянуты вдоль тела, голова повернута к востоку, словно он ждал восхода. Горло было перерезано одним движением – от левого уха до правого. Рядом не было оружия. Не было крови на полу – только на его одежде. Судья Корсаков наклонился и увидел в правой руке Лутова клочок бумаги, зажатый так крепко, что пришлось разжимать пальцы. «Я не хотел...» – было написано синими чернилами. Буквы прыгали, строчка обрывалась.

Почерк принадлежал Егору Шатрову. Писатель исчез в первый же вечер, и все, кроме Анны Белозёровой, уже считали его мёртвым. Но записка была свежей, чернила ещё не въелись в бумагу. «Он жив, – сказала Анна. – И он знает, что здесь происходит». – «Или это подделка», – отозвался Тимур Бахметьев. Судья поднёс бумагу к свету. Бумага была из блокнота, который Егор носил в рюкзаке. Анна видела этот блокнот, когда они вместе ждали мост. Кожаная обложка, потёртые углы. «Это его», – тихо сказала она. «Значит, писатель – убийца», – резюмировал Тимур. Но Алевтина Соболева, всю жизнь проработавшая с мёртвыми, покачала головой. «Полковник не сопротивлялся. Посмотрите на его руки. Ни одной царапины. Он знал, кто к нему пришёл. И не боялся».

Секретный ход обнаружил отец Николай. Он искал часовню – ему казалось, что где-то в замке должна быть церковь, освящённое место, где он сможет молиться без страха. Вместо часовни он нашёл нишу за гобеленом в коридоре второго этажа. Гобелен изображал охоту: всадники, собаки, затравленный олень. Кровь оленя была вышита алыми нитками, и отец Николай, коснувшись её, почувствовал, что нитки сырые. Он отодвинул ткань. За ней была дверь. Дверь вела в узкий проход, сложенный из грубого камня, пахнувший плесенью и чем-то ещё – сладким, приторным, похожим на ладан. Проход тянулся вдоль всей стены замка, ответвляясь к каждой комнате. Полковника убили изнутри.

Взгляд Тимура Бахметьева остановился на Степане. Дворецкий стоял у окна, сложив руки за спиной, и смотрел на туман. «Вы знали о ходе», – сказал Тимур. Это не было вопросом. Степан медленно повернул голову. «Замок знает о ходе. Я лишь часть замка». – «Вы человек?» – спросила Анна. Степан не ответил. Его лицо, бледное до синевы, не выражало ничего. Но когда Анна сделала шаг к нему, он отступил. Впервые за всё время. «Я служу здесь впервые, – сказал он тихо. – И в последний раз». Эти слова прозвучали как приговор.

Ночью в стенах слышались шаги. Не тяжёлая поступь полковника, не шаркающая походка отца Николая, а лёгкие, быстрые шаги человека, который знает замок как свои пять пальцев. Алевтина Соболева прижалась ухом к холодному камню и услышала дыхание. Ритмичное, спокойное. Кто-то сидел внутри стены и ждал. Она постучала три раза. В ответ – три удара. Договор. Она отошла от стены и увидела на полу белую нитку. Шерстяная, от свитера. Такой свитер был у Егора Шатрова. Алевтина подняла нитку, намотала на палец и вышла в коридор. В конце коридора горела свеча. Никто не зажигал свечи.

Спуск в подземелье находился за кухней. Дверь, окованная ржавым железом, была приоткрыта, и из щели тянуло холодом, как из могилы. Судья Корсаков взял канделябр с тремя свечами и шагнул первым. За ним – Алевтина, Анна, отец Николай, доктор Штольман. Тимур Бахметьев отказался: «Я не полезу в этот склеп». Степан остался наверху, глядя им вслед с выражением, которое невозможно было прочесть. Ступени уходили вниз на сто двадцать ступеней. Алевтина считала вслух. На сто двадцатой каменный пол сменился земляным, а сводчатый потолок – деревянными балками, прогнившими насквозь.

Пыточная камера была небольшой, но каждый предмет в ней казался намеренно выставленным напоказ. Дыба, тиски для пальцев, железная дева с открытыми створками – внутри ещё виднелись тёмные пятна, въевшиеся в металл. Анна Белозёрова отвернулась, но было поздно: она уже увидела крючья на потолке, цепи на стенах, колоду с полустёршейся надписью. «Покайся», – прочитал отец Николай. Он перекрестился и добавил: «Или умри». Никто не ответил. Судья подошёл к дальней стене и провёл пальцем по камню. Под слоем сажи и грязи проступали буквы. «Л. У. 1898». Рядом – ещё одна дата.

Комната с зеркалами находилась в самом конце подземного коридора. Восемь зеркал в тяжёлых чёрных рамах стояли полукругом, и каждое отражало не того, кто в него смотрелся. Алевтина Соболева увидела старуху Софью Львовну – та сидела на больничной койке, улыбалась и кивала. «Ты правильно сделала, деточка. Я не хотела больше мучиться». Анна Белозёрова увидела мальчика Колю. Он стоял у школьной доски, писал мелом уравнение и тихо плакал. Отец Николай увидел шахтёра Петра Ильича с чёрными от угля ладонями. Шахтёр смотрел на свои руки и не мог их отмыть. Доктор Штольман увидел мужчину с перитонитом. Тот лежал на операционном столе, открывал и закрывал рот, как рыба, выброшенная на берег. Судья Корсаков увидел Андрея Сомова. Двадцать восемь лет, молодой инженер, осуждённый за убийство, которого не совершал. Андрей стоял в полный рост, с петлёй на шее, и смотрел на судью с вопросом. «Почему?» – беззвучно спросил он. Матвей Корсаков не смог ответить.

Доктор Штольман пропал, когда группа возвращалась наверх. Алевтина заметила это только у двери кухни: она пересчитала головы и насчитала четыре вместо пяти. Судья, Анна, отец Николай и она. Доктора не было. Они бросились назад, в подвал, но комната с зеркалами оказалась пуста. Только на полу, у ножки одного из зеркал, лежали очки Роберта Штольмана в золотой оправе. Стёкла были разбиты, словно по ним наступили ногой. Рядом – бинты, пропитанные кровью. Свежие. «Он ранен», – сказала Алевтина. «Или мёртв», – ответил судья. На стене, прямо над зеркалом, кто-то вывел углём: «Осталось семь». Алевтина прикоснулась к надписи. Уголь был ещё тёплым.

Тимур Бахметьев ждал их в гостиной. Он сидел в кресле, сжимая в руках бокал с недопитым вином, и смотрел в одну точку. «Я слышал крик», – сказал он. Голос его дрожал. «Из

подвала. Мужской. Я звал вас, но вы не отвечали». – «Мы ничего не слышали», – отрезал судья. Тимур поднял на него глаза. В них был страх. Не притворный, не актёрский – настоящий, животный ужас человека, который понял, что следующая очередь за ним. «Я не хочу умирать здесь, – прошептал он. – Я заплачу. Сколько скажете. Только вытащите меня отсюда». Судья смотрел на него и молчал. Он знал, что никто никого отсюда не вытащит.

Тело Роберта Штольмана нашли через час. Оно лежало на старинном операционном столе в помещении, которого не было на плане замка. Комната находилась за зеркалом – стоило нажать на раму, и стекло бесшумно отъезжало в сторону, открывая проход. Стол был настоящим, хирургическим, с лотками для инструментов и регулируемым изголовьем. Доктор лежал на спине, руки вдоль тела, грудная клетка вскрыта идеальным разрезом – ровно посередине, от яремной ямки до мечевидного отростка. Кожа была отведена в стороны и зафиксирована зажимами. Сердце отсутствовало.

Инструменты, которыми провели вскрытие, лежали на стерильной салфетке рядом со столом. Скальпель, расширитель, ножницы, пинцет – всё современное, из хирургического набора, какие продаются в специализированных магазинах. На рукоятке скальпеля Алевтина заметила гравировку: инициалы «Р. Ш.». Это был личный инструмент доктора. Она вспомнила, что видела такой же набор в его комнате, в кожаном футляре с бархатной подкладкой. Футляр был пуст. Кто-то взял инструменты Роберта и использовал их против него самого.

На груди доктора, прямо под разрезом, лежала записка. Бумага была пропитана кровью, но текст читался отчётливо. «Ты не спас никого. Теперь ты – пациент». Почерк был ровным, почти каллиграфическим, без единой пометки. Алевтина перевернула записку. На обороте тем же почерком значилось: «Палач должен знать вес своего меча». Она сунула бумагу в карман. Судья Корсаков спросил: «Что там?» – «Ничего, – ответила она. – Предсмертная записка». Она не знала, зачем солгала. Интуиция медсестры, двадцать лет чувствовавшей боль за мгновение до того, как пациент начинал кричать.

Отец Николай отказался отпевать доктора. Он стоял в дверях операционной, сжимая в руке нательный крест, и смотрел на тело с выражением, похожим на ненависть. «Я не буду читать молитвы над убийцей», – сказал он. Голос его был твёрдым. Анна Белозёрова шагнула к нему: «Отец Николай, он мёртв. Вы не можете судить мёртвых». – «Он лечил людей и убивал их. Я отпускал грехи и не замечал собственных. Мы все здесь палачи. Мёртвые не лучше живых». Он повернулся и вышел, не оборачиваясь. Алевтина смотрела ему вслед и вдруг поняла, что священник боится не смерти. Он боится, что Бог не примет его покаяние, потому что каяться по-настоящему он так и не научился.

В комнате Алевтины, на подушке, лежал ещё один обсидиановый осколок. Она не приносила его сюда. Она вообще не вынимала камень из кармана с тех пор, как ступила на мост. Но осколок лежал – гладкий, отполированный, с вкраплениями золотой пыли в чёрной глубине. Она взяла его в руку, и в отражении увидела не старуху Софью Львовну, а себя. Сегодняшнюю. С синяками под глазами, с сединой, проступившей на висках за три дня. Камень был холодным, но через секунду нагрелся, будто впитал тепло её ладони. Или отдал своё. Алевтина сжала осколок и впервые за много лет позволила себе заплакать.

Утром Алевтина проснулась от стука в дверь. На пороге стоял судья Корсаков, за его спиной – Анна Белозёрова и Тимур Бахметьев. Лица у всех были напряжённые, замкнутые. «Нам нужно поговорить», – сказал судья. Алевтина посторонилась, впуская их. Тимур не стал садиться, он мерил комнату шагами, нервно потирая пальцы. «Ты была медсестрой, – начал он. – Ты знала доктора. Вы работали вместе?» – «Нет, – ответила Алевтина. – Я работаю в хосписе. Он был хирургом в городской больнице. Мы пересекались на конференциях». – «Но ты могла знать о его инструментах», – настаивал Тимур. «Знала. У всех хирургов есть личные

наборы. Это не секрет». – «И ты могла взять их, пока все спали». Алевтина посмотрела на него долгим взглядом. «Зачем?» – «Чтобы убить его и свалить на замок. Или на этого вашего Л. У.». Она не ответила. Молчание длилось слишком долго.

Алевтина закрылась в своей комнате и не выходила до вечера. Она слышала шаги в коридоре, приглушённые голоса, скрип половиц. Ей приносили еду – судья лично поставил поднос у двери. Она не притронулась к тарелке. Она сидела на подоконнике, сжимая в руках два обсидиановых камня, и смотрела, как туман затягивает внутренний двор. Внутри неё было пусто. Не страх, не отчаяние – только усталость, тяжёлая, как свинцовое одеяло. Она думала о старухе Софье Львовне, о её благодарных глазах, о тёплой сухой ладони, которую та сжимала в последнюю минуту. «Ты не убийца», – шепнула она себе. Но голос внутри ответил: «Ты взяла на то, что не тебе принадлежало. Ты решила, кому жить, кому умереть. Это и есть убийство».

Крик раздался в третьем часу ночи. Алевтина вскочила с кровати, распахнула дверь и увидела Анну Белозёрову, стоящую посреди коридора с канделябром в дрожащей руке. «Там, – прошептала Анна. – За стеной». Они прижались ушами к холодному камню. Из глубины доносились удары. Ритмичные, тяжёлые. Кто-то бил кулаком в стену с той стороны. «Помогите», – услышала Алевтина. Голос был приглушённый, искажённый, но она узнала его. Это был голос Тимура Бахметьева. Она побежала в его комнату, влетела без стука. Комната была пуста. Окно открыто, занавеска полощется на ледяном ветру. Алевтина перегнулась через подоконник и увидела внизу, во рву, тёмное пятно, расплывающееся на чёрной воде.

Тело Тимура доставали вчетвером. Судья, отец Николай, Степан и Алевтина. Анна не могла – у неё подкашивались ноги при взгляде на мёртвое лицо, обращённое к небу. Бизнесмен лежал на камнях, раскинув руки, будто пытался обнять небо. На груди, приколотая английской булавкой к рубашке, висела бирка. Больничная бирка из пластика, с выбитым именем: «Пётр Ильич Ребров, 54 года». Отец Николай покачнулся и схватился за стену. Это был шахтёр, которого он не исповедовал. Шахтёр, умерший без отпущения. Шахтёр, чьё имя священник не смог вспомнить до этой секунды. «Господи, – прошептал он. – Господи, прости меня». Но бирка на груди мёртвого бизнесмена не исчезла, и шахтёр не воскрес.

На ладони Тимура Бахметьева, сжатой в кулак даже после смерти, было что-то написано. Судья с трудом разжал пальцы. На коже, чёрным фломастером, выведено: «Осталось шесть». Цифра была аккуратной, без дрожи. Тимур не писал этого сам – его почерк, который судья видел вчера на салфетке, был крупным, размашистым. Здесь же буквы были мелкими, почти каллиграфическими. Такими же, как в записке на груди доктора. Алевтина смотрела на надпись и чувствовала, как внутри закипает холодная, спокойная злость. Кто-то играл с ними. Кто-то считал. И этот кто-то был очень близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.